

ний. Он мог занимать до половины газетной площади. В нем печатались рекламные объявления, объявления о купле-продаже, извещения о собраниях кооперативов, конференциях политических партий, рабочих собраниях. В данном разделе помещались финансовые отчеты кооперативов и объявления о приеме на работу. Особенно большим этот раздел был в сибирских кооперативных газетах после свержения там советской власти в середине 1918 г. Крупным по объему был данный раздел у кадетских газетных изданий. В некоторых газетах кадет рекламные полосы начинали и завершали номер. Что касается газет РСФСР, то после выхода декрета о государственной монополии на объявления, они публиковались в основном в большевистских изданиях и касались деятельности советских и партийных органов. В конце 1920 г. объявления печатали около 40 изданий РСФСР/15/.

2. Мифотворчество и информационный потенциал газетной прессы

Анализ содержания российских газет показывает, что оно носило мифопроизводящий характер. Газетная пресса в той социальной обстановке служила стимулятором создания мифов, где соединились подлинные чаяния народных масс и эмоционально окрашенное нереальное представление о действительности. Основное содержание этого мифа заключалось в ожидании окончания войны и возвращения мирной жизни. Основная цель газетного мифотворчества заключалась в пропаганде стратегических задач и тактических лозунгов партий и общественных движений, которые ангажировали издания. Наибольшую активность в этом направлении вели большевики. Последним нужно было оправдать свой насильственный захват власти, завоевать доверие общества для сохранения своей советской формы правления, при которой фактическая власть концентрировалась бы в руках большевистской номенклатуры.

Главная задача большевистских газет заключалась в пропаганде коммунистических принципов. И сами газеты этого не скрывали. "С момента же установления диктатуры пролетариата проповедь коммунизма становится государственной задачей", — писали "Известия Воронежского губкома РКП(б)/16/. Большевистской и пробольшевистской газетной прессе необходимо было доказать утверждение о том, что "коммунизм — спасение человечества"/17/. Кроме того, большевистские издания стремились создать миф о преобразующей силе Октябрьской революции и прогрессивной деятельности советского правительства. Советские газеты утверждали, что главное их содержание — это правда "доподлинной, проснувшейся классовой революции, правда народного восстания, которое началось... в психологии народа, чем и создается доподлинное преображение всей социальной действительности"/18/.

С целью привлечения на свою сторону новых слоев общества в тяжелейших условиях Гражданской войны большевистские газеты создавали миф о том, что Октябрьская революция принесла народам "оливковую ветвь мира" и освобождение от эксплуатации. Заговорческий захват власти они обосновывали в качестве единственно возможного пути к освобождению. Советскую форму правления пробольшевистские газеты пропагандировали как наиболее демократическую, как "воплощение народной правды"/19/.

Составной частью большевистского мифа являлась идея мировой революции. Эту идею, по мнению большевистских публицистов, поддерживали "все многомиллионные массы крестьян и рабочих советской России", а вооруженную помощь Красной армии ждут трудящиеся западных стран. Во время советско-польской войны 1920 г. редактор "Известий ВЦИК" Стеклов убеждал читателей, что польские "рабочие и крестьяне ненавидят своих панов и буржуев и сочувствуют советской России"/20/. К концу 1920 г. в связи с общей разрухой и поражением РСФСР от поляков данный миф претерпел изменения, которые во многом определили характер советской внешней политики на долгие годы. Большевистские газеты начали утверждать, что советская власть стремится к мирным отношениям со всеми странами, но идея мировой революции с повестки дня не снимается, а победа социализма над капитализмом неизбежна.

Для полного оформления социалистического мифа большевистские газеты стремились изображать коммунистов людьми, пользующимися большим доверием общества. Это должно было создать иллюзию доверия населения России к политике РКП(б). Особенно активно этот миф внедрялся в 1920 г., когда политика большевиков стала вызывать активное противодействие среди рабочих и крестьян, а ее продолжение уже нельзя было оправдать военной необходимостью. В этих условиях советские газеты с восторгом писали "о том доверии, которым наша партия пользуется среди широких масс, зачастую беспартийных"/21/.

Ответственность за развязывание Гражданской войны большевистские журналисты взваливали на своих противников. В этом мифе большевики хотели перед лицом российского общества и мировой общественности снять с себя ответственность за начало братоубийственной бойни. Всероссийский размах войны они объясняли стремлением многомиллионных народных масс выступить в защиту своих прав "для одоления своих классовых врагов"/22/. Военные противники советской власти изображались большевистскими газетами в виде бандитов, против которых активно борется весь народ и в тылу которых "уже поднимаются одно за другим восстания"/23/.

Лидеры социал-реформистских партий согласно режиссуре этого мифа, также рисовались ярыми врагами рабоче-крестьянского населения. Их про-

граммы объявлялись антинародными, а политика клеймилась как "преступление против рабочего класса"/24/. Для объяснения причин антибольшевистских выступлений советскими публицистами был придуман миф о подстрекательской роли врагов новой власти и несознательности масс, "которые не понимают сущность дела"/25/.

Пропагандируя успехи советского строя, большевистские газеты списывали экономические провалы и социальный кризис на своих военных и политических противников, поддерживая в сознании масс миф о правильности их экономической и социальной политики "А виною всему Деникин, и Колчак, и другие наследники буржуазии, идущие на нас походом", — объясняла причины тяжелейшего экономического положения РСФСР газета "Беднота"/26/. Провалы в борьбе со спекуляцией большевистские газеты объясняли пережитками буржуазного сознания общества, которые не позволяют справиться с ней. Одолеть спекуляцию, согласно советскому мифу, будет невозможно до победы "коммунистических принципов во всеобщем сознании" /27/.

Формируя коммунистический миф, большевистские газеты представляли советскую власть, как политический режим, активно преодолевающий негативные явления, вызывающие недоверие к нему со стороны рабочих и крестьян. При этом речь шла о характерных чертах большевистского правления, которые являлись его неотъемлемой частью, и без которых он существовать не мог. Уже в 1919 г. в острой форме начала проявляться такая характерная черта советского режима, как бюрократизм. Уже тогда он представлял собой достаточно большую угрозу для советской власти. Советский строй так и не смог избавиться от него, и именно бюрократизм во многом предопределил стагнацию и крах советской системы. Большевистские газеты в Гражданскую войну много писали о необходимости борьбы с этим злом.

Испытанным средством борьбы с бюрократизмом является демократия. Однако пойти на расширение демократии большевики не могли. Поэтому партийные публицисты предложили популистское средство, которое внешне выглядело очень эффектно, однако не могло справиться с бюрократизмом и сократить материальный и социальный разрыв между партийно-государственным чиновничеством и массой. Это предложение являлось очередным мифом. Большевистские газеты предлагали выдвинутых на советско-партийную работу передовых рабочих время от времени возвращать обратно на завод, чтобы они не потеряли связь с массами. "Назад, на заводы передовых рабочих — вот задача дня, — призывала петроградская "Красная газета"/28/.

При создании мифов главная задача газетных изданий антибольшевистского направления состояла в том, чтобы доказать временный характер победы большевиков. Газеты убеждали читателей, что большевики скоро

будут свергнуты и будет построена великая Россия на "началах истинной свободы"/29/. Будущее у России есть, пытались убедить российское общество эти газеты, и народы мира после свержения большевиков будут с завистью смотреть на расцвет России, которой удалось выжить благодаря усилиям всех патриотических сил страны/30/.

В этой картине основная роль отводилась мифологеме о скором падении советского строя. Подтверждение этому искали всюду: в военной ситуации, в положении внутри РСФСР, в выступлениях большевистских лидеров. Гибель советского режима антибольшевистские газеты очень хотели видеть сразу после победы большевиков осенью 1917 г. и писали о том, "что успех большевизма временный и очень, очень эфемерный"/31/. Однако эти заверения оказались мифичны. Успех большевиков оказался значительно более долговременным и прочным. Вся информация в антибольшевистских газетах подбиралась и подавалась таким образом, чтобы у читателей создавалось впечатление, что "пусть медленно, пусть не так, как мы того хотели бы, пусть нанося порой удары своим противникам, но большевизм катиться все ниже и ниже по наклонной плоскости, на которую он поставлен самой своей сущностью"/32/.

Победа большевиков в этом мифологическом сценарии преподносилась как удачная операция германских спецслужб, которые сумели подкупить русских интеллигентов, а тем, в свою очередь, удалось мобилизовать низы общества на выступления. И они сумели совершить революцию. При таком сюжете не оставалось места законам развития общества и закономерности революционных событий в России. "Поднявшийся вверх с российского дня отстой... захватил в свои руки власть и стал распорядителем судьбами огромного отсталого государства", — характеризовала победу советской власти крупнейшая кадетская сибирская газета "Сибирская жизнь" /33/.

В мифической картине о скорой гибели большевиков особое внимание отводилось образу Ленина. Его политический портрет рисовался в виде бредового фанатика, который реализует политику террора, а "сам живет хорошо, ест сладко, пьет тонкие вина, ездит в царском автомобиле"/34/. В советском руководстве все беспрекословно выполняют его распоряжения и "взрывами восторга и нечеловеческого рыдания приветствуют каждый его декрет"/35/. Этот человек, по мнению авторов данного мифического портрета, был возведен на власть, для того, чтобы ослабить Россию с целью подчинения ее немецкой власти. И он "с фанатизмом сумасшедшего принялся за исполнение своего сатанинского плана"/36/. Именно такой далекий от действительности образ председателя Совнаркома подавался читателям многими антисоветскими газетами.

Для того чтобы мифическая картина гибели советской России выгля-

дела более убедительно, белые журналисты ссылались на положения статей, докладов и выступлений руководителей советской власти. В них пытались найти подтверждения скорого краха Советов. Причем, сами работы не печатались, а в ряде случаев даже не указывалось их название. Читатели не имели возможности проверить эти сообщения, и вынуждены были верить журналистам на слово. В середине 1919 г. екатеринбургские "Отечественные ведомости" нашли в последних речах Ленина, настроения, якобы, указывающие на скорый конец большевиков. Редакторы подчеркивали, что если в выступлениях такого фанатично верящего в торжество большевистских идей человека, как Ленин, чувствуются настроения безнадежности и неизбежности краха большевизма, значит положение большевиков действительно катастрофическое. Таких настроений в статьях и выступлениях Ленина этого периода не было. Но екатеринбургские газетчики хотели убедить публику, что они есть. "Если даже эта одержимая маниакальная голова видит, что дело большевизма в нашем отечестве плохо и день ото дня хуже, значит положение его, в самом деле, ужасно, и ему как нельзя более пристали смертные муки", — убеждали читателей "Отечественные ведомости"/37/.

Одним из главных мест в этом публицистическом антисоветском мифическом "романе" занимала глава о дискредитации Красной армии. В белых газетах всегда подчеркивалась ее невысокая боеспособность, недисциплинированность, слабое техническое оснащение и т.п. Это далеко не всегда соответствовало действительности. Однако чем больше было успехов у Красной армии, тем активнее белые газеты обсуждали эту тему. "Большевики прекрасно понимают, что Красная армия еле-еле держится", — подчеркивала архангельская газета "Русский Север" в январе 1920 г., когда в падении Северной области уже никто не сомневался/38/.

Наступления белых армий вызывали на страницах антибольшевистской прессы победные репортажи и ожидания скорого конца советского строя, хотя боевая обстановка могла не соответствовать победным бравадам. В формировании мифа о победах белых армий большую роль сыграло желание антибольшевистских лидеров пополнить свои военные силы солдатами и военным снаряжением интервентов. Эти надежды усилил Парижский мирный договор 1919 г. Псковская газета "Новая Россия освобождаемая" уверяла читателей, что после заключения договора из "демобилизуемых французских, английских, американских и даже германских армий хлынут к нам волной, если только мы пожелаем, десятки тысяч добровольцев, офицеров и солдат, вооруженных последним словом техники"/39/. Добровольцы "хлынуть" на территорию России не могли, так как уже тогда было ясно, что иностранные солдаты не хотят воевать в России за чуждые им интересы.

Даже отступления белых армий в этой мифической картине подава-

лись как предвестники будущих побед. Их отход читателям предлагалось рассматривать как хитроумный маневр для сохранения армии. "Колчак отступает, не теряя живой силы своей армии... На фронте у Деникина явление для них /большевиков — Л.М./ не более утешительное: они пленными потеряли в 3 раза больше, чем Деникин... И Троцкий чувствует близкую гибель", — писала архангельская газета "Отечество", когда и деникинские и колчаковские войска были уже разгромлены/40/. В подобных мифических образах, которые создавали белые газеты, наступления Красной армии рисовались в красках будущих поражений, чтобы легче было успокоить читателей и вселить в них хоть какую-то надежду на победу. "Большевистское радио сообщает, что армия Колчака, уклоняясь от боя, отходит на восток. Большевики против своего обыкновения не гогочут. И они понимают, что, отвлекая их на восток, Колчак увеличивает расстояние между ними и Москвой", — так объясняла причины поражения колчаковских войск "Отечество"/41/. Когда положение белых армий становилось критическим, для подтверждения мифа о победе придумывались самые невероятные истории. Писали о том, что красноармейцы используют наркотики перед атакой, что Красная армия голодает, что она "задавится своими "победами" и комиссарское царство рухнет и обратится в прах"/42/. Многие обыватели готовы были поверить и в это, чтобы сохранить надежды на лучшее. Эти надежды стремились подпитывать журналисты.

Составной частью сценария белого газетного мифотворчества являлось утверждение о том, что массы населения приветствуют антибольшевистские режимы и в большинстве своем не приемлют советский строй. Особенно это проявлялось во время наступления белых армий, когда положение большевиков было тяжелым, и желанная победа казалась близкой. Тот же сценарий сохранялся в этом мифе во время разгрома белых армий для поддержания надежд общества на силу погибающих режимов. В ходе начавшегося отступления деникинских армий новочеркасская газета "Донские ведомости" пыталась заронить в сознание читателей веру в то, что население тех регионов, "которые с их громадным населением захвачены большевиками, собираются сбросить с себя иго поработителей. Эти народы выражают свою волю, приветствуя Деникина и Колчака"/43/. В это время население России уже разуверилось в Колчаке и не приветствовало Деникина. Ждать скорой ликвидации большевизма в России не приходилось.

Даже тогда, когда положение белых режимов становилось отчаянным, данный сценарий мифа сохранялся, но при этом появлялись новые мотивы, связанные с ожиданием чуда. В дни полного краха Северо-Западной области России белые газеты края с надеждой обреченных ждали неожиданного появления таких личностей, как Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Мар-

фа Посадница, и других героев русской истории, которые встанут во главе антибольшевистской армии и поведут ее на Москву. "И глубоко верю я в то, что свершится... чудо... господин Великий Новгород и Псков, в пьяном разгуле кровавого большевизма нетерпеливо прислушиваются, не ударит ли в вечевой колокол, не потребует ли вольных новгородских и псковских людей... на мощный проспект против тирании московской", — уверял общественность редактор нарвской газеты "Приневский край"/44/.

Читая газеты, российское общество далеко не всегда могло объективно судить о подлинных политических событиях и видных политических фигурах той эпохи. И большевистские, и антибольшевистские газетные издания, выполняя волю своих хозяев и идеологических руководителей, пытались создать на своих страницах иллюзорные представления о действиях тех правительств и тех политических сил, которые данные издания ангажировали. Это должно было способствовать укреплению доверия населения к властным и политическим структурам. Особое внимание этой проблеме уделяли большевистские власти, которым необходимо было идеологическое прикрытие политики государственного террора. В целом большевикам многое удалось. Их деятельность способствовала тому, что население тех регионов, где советская власть просуществовала короткий период времени с конца 1917 г. до начала 1918 г. (Дальний Восток, Сибирь, Европейский север и др.), в конце 1919-нач. 1920 гг. предпочло военным тяготам, хозяйственному хаосу, недальновидной и во многом реставрационной политике белых диктатур установление советского правления.

Журналисты белых газет признавали, что большевистская газетная периодика успешно создает на своих страницах мифические образы политической действительности. В апреле 1919 г. иркутские журналисты получили несколько номеров московских газет "Правды" и "Известий ВЦИК". Профессионально просмотрев их, они писали, что их большевистским коллегам удалось создать впечатление, что жизнь в советской России "с внешней стороны течет как будто бы нормальным порядком"/45/.

Антисоветские публицисты признавали, что большевистское мифотворчество цельнее, законченнее и по-своему логичнее. Большевики знают, что борьба беспощадная "за торжество идей известного порядка" начата. И она идет не на жизнь, а на смерть. И в этой идеологической борьбе "проявление их энергии и изобретательности — изумительно". Они хорошие агитаторы, умеют использовать для пропаганды любой подходящий случай и "великолепно понимают психологию простого, темного народа". Их агитационная литература составлена хлестко, популярно и даже захватывающе "для аудитории известного уровня"/46/. Это способствует большевизации масс. Мифотворчество антибольшевистских газет, по мнению белых публицистов, велось

хуже. Люди, которые занимались этим, были зачастую дилетантами. По признанию многих антибольшевистских газет, дело по мифотворчеству в белом тылу и на фронте находилось в "состоянии паралича"/47/.

Мифотворчество на страницах газетной прессы сопровождалось наклеиванием ярлыков, грубым оскорбительным тоном. Таким образом газеты стремились привлечь внимание читателей и убедить их в правоте своей позиции. Особенно этим отличались издания большевиков. Создавая миф, газеты очень часто выдавали желаемое за действительное, подчеркивая тем самым неизбежность того, к чему они призывали. "Нападение белогвардейской Польши на советскую Россию неизбежно закончится полным поработением первой и победой второй", — прогнозировал редактор "Известий ВЦИК" Стеклов/48/. Этого не произошло. Советская Россия потерпела серьезное поражение. Однако "Известия" стремились к тому, чтобы у их читателей не возникло ни тени сомнения в победе советских войск.

Задачи создателей газетных мифов можно было считать выполненными, если мифами удавалось заменить реальные знания. Для этого на страницах газет выстраивались вымышленные причинно-следственные связи между событиями. В целях их создания в газетном мифотворчестве активно использовались упрощенное и искаженное толкование событий. Так, большевистская "Беднота", характеризуя действия белогвардейских войск, отмечала: "Только надежда пограбить всласть и двигала вперед белогвардейские банды ...мамаевы налеты Мамонтова и Шкуро, дикий разбой деникинцев.. привели к тому, что все население вплоть до кулаков и мелких буржуев, разграблялось долгожданнами "спасателями"/49/. Данное утверждение искажает цели и задачи белого движения, к чему и стремилась газета. Действительно, отряды Шкуро и Мамонтова были повинны в грабежах и насилиях над гражданским населением. Однако в основе действий белых армий лежали совершенно иные цели.

Для усиления вымышленного представления о политической действительности газетами в ряде случаев использовались откровенно недостоверные сведения. Так, в "Вестнике ВПСО" прошла следующая информация: "Перехваченное большевистское радио сообщает, что города Ярославль и Муром предоставлены в полное распоряжение большевистских китайских войск за то, что они не согласились уплатить по требованию от них комиссарами контрибуции"/50/. Эта информация недостоверна. Советское радио не могло передать подобную информацию. Однако это сообщение было напечатано. Оно еще раз подчеркивало нестабильность советского режима и усиливавшееся сопротивление общества большевизму.

По этой же причине, для формирования новой легенды о скором падении советского правительства в гатчинской белой газете "Приневский

край" была помещена информация о крупных победах генерала Деникина на Южном фронте и занятии им Тулы, что не соответствовало действительности, но бравурный тон сообщения помогал газете создать эту легенду. "Город Тула занят нашими доблестными войсками... — говорилось в нем, — Наступление большевиков... совершенно ликвидировано. Большая армия рассеяна и сдалась в плен. Добровольческая армия идет вперед к Москве, не встречая сопротивления со стороны большевиков"/51/. В этой информации все неправда. Тулу Деникин не взял, Красная армия разбита не была, белые потерпели поражение.

Работники газет сами знали о том, что они передают неверную информацию. Но они делали это, т.к. эта информация могла быть использована как эффективный пропагандистский прием, могла увлечь читательскую аудиторию и повлиять на ее поведение. Для антибольшевистских газет в 1919 г. такой "выигрышной" информацией являлись, в частности, сообщения о взятии Петрограда. Белые газетные издания по несколько раз сообщали о его падении. Когда эта информация не подтверждалась, газеты объясняли это читателям тем, что данное сообщение было недалеко от истины, и только непредвиденные обстоятельства не позволили взять колыбель революции. "Если Петроград, после целого ряда сообщений о его "падении" вновь оказался в советских руках, — это вовсе не означает, что все эти сообщения были лишены какого-то ни было основания, — писала екатеринбургская газета "Отечественные ведомости". — По-видимому... был момент, когда судьба "красной столицы" зависела целиком и единственно от генерала Юденича и действующих вместе с ним военачальников"/52/. И чтобы развеять сомнения читателей в том, что перед ними вскоре не появится очередная газетная "утка", газета уверяла, что можно питать "вполне основательные надежды" на скорое взятие Петрограда/53/.

Однако чаще всего газетные легенды соединяли действительность с вымыслом, что давало возможность более успешно формировать в общественном сознании идеологические установки. При яркой словесно-эмоциональной окраске оглашаемой легенды, при тесном сочетании правды и вымысла, подлинных интересов народа и ожидания политического чуда газетные мифы создавали мироощущение, имеющее стойкость предрассудка. Так, самарская газета "Наш день" летом 1918 г. поместила на своих страницах заметку следующего содержания. "С гидрой большевизма покончено, — торжественно провозглашалось в ней. — Это чудовище, лишенное своих жизненных органов, хоть и раскрывает пасть, но уже никому не страшно... Большевизм умирает — Россия возрождается... Но здоровому или вернее выздоравливающему организму все же грозят микробы другой болезни. Болезнь не такая смертельная, как большевизм, но как инфлуэнца, не вылеченная вов-

ремя, грозящая осложниться и перейти в тиф, а поэтому требуется принятия экстренных мер для борьбы с нею. Эта болезнь — спекуляция. Рядом с поклонниками не национального "интернационализма" без роду и племени, воспитанными на немецких отбросах, вскормленных на картофельной шелухе германского социализма, так нахально и злобно посмеявшегося над русским, ползет, пресмыкается и жалит другой гад — спекуляция. Ею занимаются тоже люди, которым не дорога Россия. Люди, которым нужна Россия постольку, поскольку они могут нажать на ней капитал, не все ли равно каким предательски-гнусным путем"/54/.

В этой заметке соединено все, что должно способствовать созданию мифологического сознания. Здесь есть и полуправда и полумиф, и желание убедить читателей в скором падении большевизма, и навешивание ярлыка на большевиков как немецких шпионов, и указание на действительную опасность для выживания общества в условиях войны — спекуляцию.

Но, активно занимаясь мифотворчеством, российские газеты выполняли информационную и просветительскую функции, давая объективные знания, и анализируя текущие события. Выполнение этих функций было необходимо для решения основной задачи газетной периодики по манипулированию общественным мнением. Журналисты понимали, что выполнить свою главную задачу они смогут, давая правдоподобную и на первый взгляд объективную картину происходящих процессов. Выполнение этой задачи было возможным только на основе достоверных фактов. При выполнении этих условий газеты могли рассчитывать, что им удастся контролировать и направлять поведение людей по заранее определенному плану.

Российские журналисты (и белые, и красные) понимали, что для успешной мифологизации общественного мнения освещение событий должно иметь твердую фактическую базу. Оперировать недомолвками, намеками и полунамеками без указания на факты недопустимо, так как это вызывает недоверие читателей. Екатеринбургские "Отечественные ведомости" подчеркивали, что, если "у газеты имеются серьезные и точные фактические данные..., она должна указать их и дать им... оценку, памятуя при этом, что факты имеют значение не столько сами по себе, сколько в зависимости от обстоятельств их породивших и в связи с последствиями, которые могут возникнуть из них"/55/.

Явное отсутствие объективности при освещении событий и недостоверная фактическая основа нередко приводили к тому, что общество переставало верить газетным сообщениям и воспринимало их как газетные "утки". Это создавало "в психологии народной массы настроение полного недоверия ко всем известиям, появляющимся на столбцах газет"/56/. Более того, недоверие к газетным сообщениям приводило к тому, что газетную информацию

население начинало воспринимать с точностью до наоборот. "И неудивительно, что обществу, которое стосковалось по истинным открытым сведениям, ничего не остается делать, как строить свои выводы на данных Вральманов, только перевертывая их положения ногами вверх", — анализировала настроения читателей читинская газета "Наш путь"/57/. При таком психологическом настрое манипулировать общественным мнением было очень трудно пропаганда не проникала в сознание читателей

В этих информационных условиях люди начинали активно верить слухам и жить в их атмосфере. В условиях революции и войны, материальной неустроенности, социальной дезориентированности и постоянного страха люди доверяли слухам во многих случаях потому, что больше верить было некому и нечему. Опасность слухов усугублялась еще и тем, что они распространялись гораздо быстрее, чем газеты, когда "ни один наиболее усовершенствованный информационный аппарат не был в состоянии доставить... столько сенсационных известий"/58/.

Большим доверием пользовались сообщения от, так называемого, "верного человека", которые содержали самую противоречивую информацию. От этого в сознании людей получался информационный "фантастический сумбур, который еще глубоко поражает и разлагает народное сознание"/59/. В подобных информационных условиях, при раскаленной общественной атмосфере население еще больше не доверяло газетным сообщениям. На основе переплетения слухов и газетной информации в сознании людей рождались мифы, которые самым решительным образом отличались от газетных. В ряде случаев чтению газет люди предпочитали помощь хиромантов, надеясь узнать у них "не о будущем — а о настоящем и прошедшем"/60/.

При этом слухи нередко целенаправленно фабриковались и распространялись политическими и военными противниками. В этом случае слухи и формировавшиеся под их влиянием мифы приобретали определенное идеологическое звучание и сильно влияли на развитие политической, социальной ситуации и ход военных действий. Цель распространения слухов, по мнению томской "Сибирской жизни", заключалась в том, чтобы "создать паническое настроение в тылу, заставить этот тыл заразить своим страхом фронт, и тогда отпраздновать легко доставшуюся, подготовленную по всем правилам новейшей тактики и стратегии победу"/61/.

В этих условиях властным структурам и господствующим политическим силам манипулировать общественным мнением становилось крайне сложно, а в ряде случаев и невозможно. Положение усугублялось военными поражениями, и связанным с ними усилением экономических тягот, когда у обывателей формировалось убеждение в ложности всех газетных сообщений о расстройстве политической, экономической и военной жизни в противобор-

ствующем лагере. Именно так произошло в Сибири во время разгрома Колчака, когда значительная часть населения поверила, "что "твердая" рука и решительная власть Ленина и Троцкого преодолевает все препятствия и непоколебимо идет к цели"/62/. И хотя осуществление большевистской цели не прельщало население этого региона, оно чувствовало "некоторое умиление перед совдепской властью"/63/.

Интересы достижения победы в борьбе за влияние на массы заинтересовывали руководство политических режимов и органы политических партий в том, чтобы газеты обязательно выполняли свои информационные функции и обеспечивали общество избыточной информацией. Манипулирование и массивное воздействие на политическое поведение общества осуществлялось на основе широкого освещения действительности и было связано с конкретными проблемами текущей политики. Поэтому содержание российских газет охватывало все стороны экономической, политической и духовной жизни России, а также основные события международного положения.

Газетные издания стремились освещать внутреннюю ситуацию в стране и показать читателям международное положение. В газетах присутствовали рубрики: "Вести о России", "Внутренние известия", "По России", "Русская жизнь" и т.п. Если это были советские газеты, то эти рубрики дополнялись такими, как: "По советской России", "В советской России", "Из советской России" и т.д. Во всех газетах под рубриками: "За границей", "Около мира", "Славянские дела", "Россия и союзники", "За рубежом", "Вокруг света", публиковалась международная информация. Те части мира, где происходили главные события, газеты выделяли отдельными рубриками: "В Англии", "В Германии", "Во Франции", "Китай", "В Японии", "Мирные переговоры с Финляндией" и т.д.

В региональных газетах к уже перечисленным рубрикам добавлялись разделы, где помещалась достаточно подробная информация о местной жизни. Среди наиболее часто встречающихся рубрик следует отметить: "Городская жизнь", "Местная жизнь", "По губернии", "По нашему краю", "По нашему уезду", "По области", "Свободный край", "Хроника" /имелась в виду местная хроника — Л.М./ и т.д. Но практически во всей региональной газетной прессе содержалась информация о положении в других регионах России. В советской газете "Вятская правда" под рубрикой "На Дальнем Востоке" освещалась ситуация в Дальневосточной республике. В Ставропольской /Самарская губерния — Л.М./ газете "Коммунист-(большевик)" существовала рубрика "Вести из Сибири". В колчаковских и денкикинских газетах публиковалась информация о положении в Северной и Северо-Западной областях России. А в газетах Северной и Северо-Западной областей можно было прочитать о положении на белом Юге и востоке России.

В официальных изданиях много места уделялось деятельности центральных правительственных учреждений и региональных органов власти, работе местных органов самоуправления. Этой тематике были посвящены рубрики: "В министерствах", "По ведомствам", "В земстве" и др.

В целях актуализации агитации и пропаганды в газетах более подробное освещение получало положение в тех регионах, где разворачивались основные события революции и Гражданской войны. Так, во время антисоветского выступления на Дону под руководством атамана Каледина в советских газетах наиболее крупной была рубрика "На Дону". В ходе наступления Деникина в 1919 г. сибирские газеты постоянно информировали читателей о положении в этой части России под рубриками: "На Юге России", "На Украине", "На Кубани" и т.д. В условиях войны внимание общества было приковано, прежде всего, к ходу сражений. Поэтому газеты обращали первостепенное внимание на положение в армии и ход боевых действий, на успехи своих союзников и неудачи противников. Эта тематика освещалась в рубриках: "Борьба с большевизмом", "Борьба с белой Польшей и Врангелем", "В армии", "Вести с фронта", "Военный день", "Военный обзор", "Жизнь красноармейца", "Красная армия", "На Красном фронте", "На наших фронтах", "На Северо-западном фронте", "На Южном фронте", "Солдатская жизнь" и др.

Военными газетами постоянно велись отделы о внутренней и международной жизни, боевой и политической подготовке войск, о пропаганде военных и политических знаний. Военная газетная печать содержала обширную информацию о солдатской жизни, о культурно-просветительской работе в армии, о хозяйстве и снабжении воинских частей, о быте солдат, о деятельности особых отделов и трибуналов. В армейских газетах могло насчитываться более 20 отделов и рубрик. Они затрагивали не только военные сюжеты, но и много писали о положении в деревне и об аграрно-крестьянской политике. Создавались специальные крестьянские рубрики и приложения. Это объяснялось тем, что основу красной и белых армий составляли крестьяне, которым было чрезвычайно интересно положение деревни.

Неофициальный отдел печатных органов политических партий, общественных организаций, профсоюзов и кооперативов дополнялся разделами о деятельности этих объединений. Разделы могли называться: "Партийная жизнь", "Кооперативное дело", "Профессиональное движение". Для этой разновидности газет, а также для массовых газетных изданий всех российских политических режимов характерны рубрики, посвященные положению отдельных классов и социальных групп России. Для большевистских, меньшевистских и профсоюзных газет постоянной была рубрика "Рабочая жизнь". В ней систематически публиковались данные об экономическом положении рабочих, приводились конкретные факты о деятельности профессиональных организа-

ций. Эсеровские и крестьянские газеты издавались с рубриками "Крестьянская жизнь", "Как живется в новой деревне?" и т.д. Немногочисленные комсомольские газеты советской России имели специальные молодежные рубрики: "Как живет молодежь губернии?", "Как организовать союз молодежи?", "Молодежь и коммунизм", "Молодежь за границей" и т.п.

Содержание стенных газет РОСТА было более злободневным, чем содержание других видов газетной прессы РСФСР. В конце 1920 г. 67% из них вели на своих страницах агитационные кампании, тогда как среди газет видов этот процент равнялся 43. 68% стенных газет помещали злободневные статьи. Процент злободневных статей в остальных изданиях был равен 59. Однако стенные газеты РОСТА были бедны местным материалом. Почти 60% из них не помещали местный материал/64/.

Для удовлетворения интереса населения в информации о положении в противоборствующих лагерях редакции газет стремились показать политическую обстановку в лагере своих противников. В советских газетах повсеместно печаталась информация о положении на территории, занятой белыми армиями. В газетных изданиях небольшевистских политических режимов говорилось о положении в РСФСР. В большевистских газетах повсеместно была распространена рубрика "В стане контрреволюции". В газетах небольшевистских политических режимов о положении в РСФСР говорили в разделах: "В Совдепии", "В России у большевиков", "Вести из Москвы" и т.д. Подобная информация имела место во всей газетной прессе того времени. Можно сказать, что в России, разорванной на части политической непримиримостью и фронтами Гражданской войны, единственно, что оставалось более или менее единым — это информационное пространство. Основным источником информации о событиях в разных уголках России являлись газеты.

Журналисты показывали все стороны не только политической, но и экономической, а также духовной жизни общества. В газетах довольно часто встречаются материалы под рубриками: "Литература и искусство", "Наука и литература", "Сельское хозяйство", "Театр", "Театр и искусство", "Театр и музыка", "Финансы", "Биржа", "Финансы и промышленность", "Хозяйство" и т.д.

Журналисты пытались понять не только что происходило, но и почему совершались события, какие ценностные ориентиры и установки заставляли государственных и политических лидеров принимать политические решения, и в силу каких причин российское общество их признавало или отвергало. Пытаясь всесторонне осветить события, газеты дозировали информацию, чтобы проводить идейные принципы тех общественных сил, от лица которых они выступали. Проправительственная газетная пресса, печатные органы

партий и организаций больше писали о положительных фактах в деятельности властных и партийных структур, полнее освещали те стороны и явления действительности, которые подтверждали правоту государственных решений и партийных программ. Оппозиционные газеты больше обращали внимания на то, что их политические оппоненты и военные противники пытались затушевать, показывали их слабые стороны, теоретическую, идейную и практическую несостоятельность. При этом обе стороны стремились обосновать свои позиции, провести анализ фактов. Этим объясняется то, что российские газеты часто и охотно печатали на своих страницах лучших отечественных публицистов, обществоведов, философов, историков, деятелей культуры и т.д.

Эта кажущаяся объективность достигалась не всеми газетами. Но к ней стремились все издания. Интересное наблюдение в данном случае сделал известный врангелевский журналист Н.Верховский, летом 1920 г., проанализировав содержание номеров "Известий" Украинского ЦИК. Севастопольский журналист пришел к выводу, что позитивных материалов о выполнении украинскими крестьянами продразверстки на страницах "Известий" примерно столько же, сколько и материалов об уклонении от ее выполнения. Верховский подчеркивал, что в каждом номере газеты он встречал "красную" и "черную" доски. В первой рубрике шли славословия по адресу волостей, подчинившихся требованиям государственной разверстки. Во второй — содержалась критика тех регионов, которые не выполняли разверстку. "Красная доска" была, "если не короче, то уж никак не длиннее "черной"/65/. Таким образом "Известия ВУЦИК" создавали у читателей видимость объективной информации. На самом деле, редакция "Известий" сильно занижала процент недовольных продразверсткой крестьян. По газете их получалось около половины. На самом деле недовольство было практически поголовным.

Давая правдоподобную картину действительности, газеты проводили в жизнь политические позиции своих учредителей, используя разнообразные формы печатной агитации и пропаганды. Они стремились руководить читательской аудиторией, подсказывали ей ответы на актуальные политические проблемы, предлагали свои правила политического поведения, указывали врагов и союзников. Основной смысл газетной пропаганды заключался в том, чтобы представить неудачи и поражения своих политических противников в качестве характерных черт их стратегии и политики, а свои собственные — как случайные ошибки, "что у них это результат всей правительственной системы, а у нас — следствие недобросовестных поступков отдельных лиц"/66/. Во-вторых, формы подачи материалов в газетах должны были создавать у читателей мнение, что у противников успехов гораздо меньше, а неудач вдесятеро больше, что "если мы сделали ошибку и частично поколебали свое положение, то положение врага не только колеблется, но потряса-

ется до глубины"/67/. Эта агитация должна была способствовать формированию мнений, отвечающих идеологическим целям учредителей и хозяев газет.

3. История Октябрьской революции и советской власти на страницах газет

Самое пристальное внимание российской прессы было приковано к анализу причин успешного захвата власти большевиками, функционированию большевистского режима и его военным победам. В газетной печати подробно освещался ход Октябрьской революции. Достаточно обстоятельно объяснялись причины распространения большевизма в России. Главную причину успеха большевиков газеты видели в социально-политических противоречиях российского общества. Большевизм имел для своего распространения глубокие корни, кроющиеся в особенностях исторического развития России. Корни его победы, по мнению газет, надо было искать в "социальном и политическом угнетении народных, трудящихся масс"/68/.

Нищее забитое население России потеряло надежду улучшить свое положение в рамках существующих общественных отношений. Оно стремилось к переделу собственности. Среднего класса, который страхует общество от этого шага, в России не было. Неимущие массы России в значительной массе "не приобрели здоровое инстинктивное чувство частной собственности"/69/. Потеряна была и вера в труд, как в основу личного благосостояния. Народы России не прошли той цивилизационной эволюции, "которая в западных странах совершалась в течение 19 века"/70/.

Царизм не смог обеспечить для народа, условий на "достойное человеческое существование", которое создает необходимые материальные условия свободы"/71/. Война сделала невыносимыми условия существования народных масс и до предела обострила социально-экономические и политические противоречия. Доведенные до отчаяния люди поверили агитации большевиков, которые обещали быстрое избавление ото всех тягот. "Россия... и Европа оказались буквально придавленными тяжестью последствий войны, и бунтарский большевизм, при этих условиях есть ни что иное, как конвульсивные движения живого существа, на которое обрушилась непомерно тяжелая глыба", — анализировала причины победы большевиков Владивостокская газета "Эхо"/72/.

Революционные события 1917 г., распад российской государственности объективно способствовали победе большевистских сил. Русская революция представляла собой общественный регресс, разрушение политической и хозяйственной, духовной жизни общества. "Это есть разрушение, сгнивание, разорение", — писал И.А. Ильин/73/. Она несла вражду, недоверие, безответ-